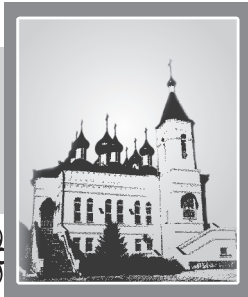

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

«Стоит увидеть мне множество духовенства, собранное вместе (так говорил мне один знакомый – весьма внимательный и интересный человек), как дрожь пробегает по моей спине. Это не дрожь страха. Это радостная дрожь. Вот это сила! – думаю я, глядя на крестный ход, или соборную службу, или многолюдное паломничество. Да ведь мы все можем! Все можем вымолить! Горы можем свернуть, и если не все до конца изменить, то на все решительно повлиять!»

Справедливые слова. Услышав их однажды и проверив многократно на своих собственных ощущениях, я готов под ними подписаться. Собрание духовенства – великая сила, чаще всего не до конца осознающая сама себя. Изначально всякий священник, говоря детским языком, есть добрый волшебник, а строго говоря – собеседник Божий и возможный чудотворец. «Говори со Мной. Говори ежедневно. Я хочу тебя слышать», – обращается Господь ко всякому человеку, на которого легли архиерейские руки в хиротонии.

«Для того Я и выбрал тебя и поставил, чтобы Ты говорил со Мной. Говорил часто и внимательно. Говорил не о себе только, но обо всех и вся». С самой первой священнической молитвы, прочитанной вслух, – заамвонной молитвы – священнику влагают в уста прошения «о всех людях», о «достоянии Господнем», «о мире всего мира», «о священниках и воинстве». То есть – о многих, если не обо всех. Вот с этого самого момента и ждет Господь обращенных к Нему священнических речей, кратких и длинных, просительских и хвалебных, благодарных и покаянных.

Отдельно взятый священник таков: это человек, отделенный от прочих ради частых, предельно личных бесед с Творцом неба и земли. А собранные вместе священники и вовсе становятся армией добрых волшебников и войском потенциальных чудотворцев. Повторяю, сами себя они такими не считают, чему виной отчасти смиренные мысли о себе (что

хорошо), а отчасти недооценка уделенной им благодати (что уже погрешительно). Да и как, действительно, при всей грубой силе греховной гравитации не махнуть устало рукой на дерзновение, на смелость, на молитвенный огонь? Как сохранить первую любовь? Суета заедает, силы исчерпываются. А семейство... А начальство... А личные грехи...

И тут возникает необходимость в голосе со стороны. Так и Илья Муромец лежал бы бревном на печи до смерти по причине неходячих ног, если бы не калики перехожие с их дерзновенной просьбой «водички принести». Кто-то должен сказать сомневающемуся в себе священнику: «Отче, молитесь крепко. Не просто «поминай» людей, а проси за них, умоляй. Наставляй их вовремя и не вовремя. Ты можешь, и Бог слышит». Подобные слова уже сыграли однажды важную роль в истории Церкви. Благодаря подобным словам Иоанн Кронштадтский стал таким, каким его сегодня весь мир знает. А без этих слов, как знать, как знать...

Отцу Иоанну Сергиеву было уже 40 лет. Он уже немало лет стоял у Престола Божия. Кроме того, преподавал Закон Божий, посещал дома бедняков, раздавая милостыню, проповедовал. И в подвалы бедноты не гнушался входить многократно с Причастием, с едой и лекарствами. И одежду свою верхнюю нищим привык отдавать. Но ничего выдающегося в этом ревностном батюшке люди не видели, объясняя особенности его одним чудачеством. Нужно было появиться в Кронштадте одной немолодой уже женщине из костромских крестьян, проводшей всю жизнь в трудах, молитвах и хождениях по богомольям. Звали женщину Параскева Ивановна Ковригина. Это она нашла нужные слова для отца Иоанна, с которым много часов провела в обоюдно полезных духовных беседах. Она же нашла слова о нем и для множества охладевших к молитве и отошедших от Церкви людей. Дальше

уже можно читать житие отца Иоанна, но не ранее, чем вспомнить о пожилой женщине, наставляющей священника: «Молись горячо. Умоляй. Не отступай. Проповедуй. Бог благоволит».

Те священники, которые завидовали отцу Иоанну (такие были, и не один) временами говорили: «Ничего в нем нет особенного. Все мы отцы Иоанны». Это были слова неправды, рожденные завистью. Но эти же слова можно повторить, не согрешая. «Все мы отцы Иоанны». В том смысле, что и мы рукоположены в чин великого и страшного священства; что и нам даны призыв молиться, и благодать молиться, и обязанность молиться. В этом мы все – отцы Иоанны. А еще в том, что кто-то (быть может – самый простой и невзрачный человек) должен нас посреди сомнений и раздумий о собственной слабости подтолкнуть, утвердить, ободрить.

Священника, который должен вести народ через мудрость к праведности и далее – к святости, самого должен кто-то направить в нужную сторону. И тогда помножьте одну проснувшуюся и разгоревшуюся чистым огнем душу на великое множество священников! Ведь их у нас действительно великое множество. Вы получите картину оживления жизни там, где она омертвела; укрепления сил там, где они ослабели. Вы получите нечто одновременно долгожданное и неожиданное. «Долгожданное» – оттого, что мы все в тайне сердца жаждем полноты бытия, а не миражей и сновидений. А «неожданное» – оттого, что заждались уже, и устали, и временами даже разуверились.

Если Бог слушать не захочет, то все будет всякая молитва. Он отвернет лицо и отвратит слух. Об этом достаточно сказано у пророков. Но если Он ждет молитв и хочет слушать, то нельзя сомневаться в необходимости говорить, шептать, умолять, кричать, плакать и петь вслух Господа Саваофа. Так что просыпайся, Илья. Иди за водичей для странников. Да сначала сам испей и почувствуй, как наливаются силой прежде безжизненные ноги и руки.

Прот. Андрей Ткачев

«Все мы, люди, должны всегда благодарить Бога за общие и особенные Его благодеяния, душевные и телесные.

Общие суть: четыре стихии и все, от них происходящее, и все, в Божественных Писаниях изложенные, чудные и страшные дела Божии.

Особенные же – то, что Бог дал каждому человеку: или богатство, для милостыни; или бедность, для терпения с благодарением; или власть, для правосудия и утверждения добродетели; или повиновение и рабство, для готового спасения души; или здоровье, для помощи нуждающимся и трудов по Богу; или болезнь, для венца за терпение; или знание и силу, для приобретения добродетелей; или бессилие и незнание, для повиновения в безмолвии, со смирением и удаления от вещей; или невольное лишение вещей, для произвольного спасения и помощи тем, которые не могут достигнуть совершенства нестяжания или, хотя, милостыни; или покой и благоденствие, для того, чтобы добровольно подвизаться и трудиться в добродетелях, так чтобы сделаться бесстрастным и иные души спасти; или искушение и злополучие, чтобы поневоле спастись тем, которые не могут отсекают своих хотений; или опять, для совершенства тем, которые могут потерпеть с радостно.

Но да не будет благодарение (наше), как того фарисея (Лк. 18, 11), осуждающее других и оправдывающее себя; но, скорее, как более всех находящееся в долгу, и по недоумению благодарящее, и с ужасом рассматривающее неизреченное долготерпение Божие» (Прп. Петр Дамаскин, втор. пол. XII в.).

«Мы примечаем наши ничтожные дела по тому самому, что они ограничены и малы, потому что начинаем их и оканчиваем, усиливаемся для них и устаем от них и, напротив, не примечаем иногда благодеяний Божиих по тому самому, что они велики, потому что готовы без усилий, повсеместны, всегдашни.

Надобно иногда временное и местное отъятие благодатной руки Божией, чтобы люди справедливее оценили благодеяние Божие, которым долго без внимания пользовались.

Голод изъясняет Божие Благодеяние хлеба, тлетворное поветрие – благодеяние воздуха, засуха – благодеяние дождя, безведрие – благодеяние солнца, сияние которого не дорого потому, что всеблагий Бог каждый день сияет им на злых и благих.

Благодарность Богу за полученные от него дары есть сосуд, в который благодать Божия полагает новые» (Свт. Филарет, митрополит Московский, 1783-1867).

Странная ситуация складывается нынче в Церкви – мы просто-таки стремимся к расколу на любом поводе. И при всей моей любви к Вашим книгам, у меня возникло недоумение по поводу Вашей критики проф. Осипова. Зачем в такое нелегкое для Церкви время подавать повод для раскола, ведя непрерывную войну со своими братьями по вере?

Скажите, разве извращения в догматике – это «любой повод»? Разве фантастическое учение о крещении в аду – детская шутка? Разве учение о том, что в Святах Дарах нет сущности Христа – невинный теологумен? Разве учение о том, что грешник может выйти из ада, как только пожелает этого – не является ли ложной надеждой на спасение?

Разве грязь, брошенная в святого Императора Николая – это не оскорбление верующих людей, для которых Император и его семья стали одними из самых почитаемых мучеников и страстотерпцев? Разве заявление г-на Осипова после канонизации царской семьи о том, что это было сделано Поместным Собором в прагматических целях для мира в Церкви – не является ли оскорблением Собора и самих иерархов, которые якобы обманули народ для мира и благословили молиться не существующим святым? Разве обвинения Осиповым Православной Церкви, при том не только Русской, но и всех Поместных Церквей в «латинском пленении» – не является ли хулой на Церковь – «столп и утверждение истины»?

Кто же, по вашим словам, «подает повод для раскола»? Люди, которые держатся Священного Предания и традиции Церкви, или же модернисты, выступающие с новыми учениями, которые во многом являются старыми заблуждениями? Именно одной из целей моей полемики было желание предохранить верующий народ от будущих разделений и потрясений.

Неужели вы не понимаете, что единство Церкви может быть только в единстве истины, а не в союзе истины с ее

Вопросы священнику

искажениями? Ложь имеет свойство саморазрушения, поэтому основанное на лжи, рано или поздно рушится.

Почему мало охотников указать мне, в чем я фактически не прав, в чем мне надо изменить свое мировоззрение, в чем я отступил от Православия? Вместо этого мне говорят: главное не истина, а вежливость,

не огорчайте своих собратьев! Хочу напомнить, что когда только разгорелся спор между православными и арианами, то император Константин, вначале не придавший значения догматическому расхождению между Православием и ересью, призвал обе стороны к миру и согласию, говоря, что из-за незначительных причин, не надо унижать Церковь в глазах языческого мира. Но, затем огонь разгорелся с новой силой и сам император созвал Первый Вселенский Собор, где арианство было осуждено. Император Зенон, желая примирить диофизитов с монофизитами, издал указ о том, чтобы поданные империи не смели обсуждать христологические вопросы, касающиеся природы Богочеловека, угрожая наказанием за непослушание. Но это только дало возможность усилиться монофизитству еще больше, и не привело ни к какому миру. Соединение лжи и правды на какой-то общей платформе – всегда оставалось иллюзией и утопией: или осуждалась и отвергалась ересь, или погибало само Православие (как, например, в Персии и Армении).

Только на чистом Православии, как на непоколебимом фундаменте, может стоять и сохраняться единство Церкви!

Я живу в Эстонии. Последнее время у многих прихожан нашего храма из-за трудностей появилась идея иммигрировать. Живу я здесь уже половину жизни и переезжать особо некуда... Какие советы св. отцов Церкви применимы к таким обстоятельствам?

Старцы говорили: «Не покидай места, пока само место тебя не выгонит». Старайтесь жить по-христиански, творите Иисусову молитву и увидите, что вокруг вас что-то потеплеет.

Архимандрит Рафаил (Карелин)

Новости Православия 13.10.2015. ИГ угрожает казнью 180 христианам.

Сообщается, что спикер организации «Ассирийское общество» обратился к журналистам с особым заявлением. По словам правозащитника, со стороны ИГИловцев поступила угроза «казнить всех плененных христиан-ассирийцев».

14.10.2015. Представители «киевского патриархата» захватили храм в Горловской епархии. Они совершили там «богослужение» в окружении многочисленной охраны, видимо, опасаясь реакции на их визит жителей города, что внешне очень напоминало картину рейдерского захвата офиса или предприятия.

14.10.2015. 175-ю годовщину явления «Касперовской» иконы Божией Матери отпраздновали в Херсонской епархии. Икона Божией Матери «Касперовская» была родовым образом помещиков сербского происхождения, на территорию Херсонской губернии принесена в середине XVIII века.

15.10.2015. Владимир Путин подарил Успенскому собору в Астане икону Покрова Пресвятой Богородицы. Президент РФ признался, что он очень любит Феодоровский образ Царицы Небесной. Митрополит Астанайский и Казахстанский Александр отметил также, что именно эта икона является покровителем государственности.

16.10.2015. Почаевская лавра снова под угрозой. Вернуть Почаевскую лавру в собственность Кременецко-Почаевского историко-архитектурного заповедника и открыть монастырь для проведения богослужений всеми религиозными общинами Украины – с такой просьбой обратились к Порошенко и кабинету министров депутаты Тернопольского областного совета.

16.10.2015. Похищенному ИГ священнику удалось бежать. Сирийский священник, похищенный боевиками «Исламского государства» в мае нынешнего года, думал, что умрет за свою веру. Сейчас он благодарит Пресвятую Деву и друга-мусульманина за спасение из плена, сообщает Catholic News Agency. «Хочу поблагодарить всех, кто молился о моем освобождении. Это истинное чудо!» – сказал священник.

«Райские хитора» и другие рассказы священника Ярослава Шипова

Продолжение. Начало в № 20 (308)

Построив равелин, Ермаков стал пропадать в нем сначала неделями, а потом, по мере ухудшения отношений с женой, и месяцами. Жена приезжала «на дачу» только однажды и сразу же возненавидела и тянувшуюся до самого горизонта сырую низину, столь милую сердцу Ермакова, и сам дом, который, при всей своей наружной замысловатости, был внутри необыкновенно уютен. Думается, однако, что причину оказался не унылый пейзаж и не мрачность равелина, а то, что в отношениях этих людей доброжелательность стала сменяться неприязненностью. Отчего уж так дело складывалось – не знаю, знаю только, что жена Ермакова была мало того что красивой, она была – величественной женщиной. Хотя я видел ее только весьма пожилой, когда о прежней ее красоте оставалось только догадываться, величественность сохранилась в походке, осанке, в манере садиться, в повороте головы – в каждом движении...

Познакомились они после войны, быстро расписались, а потом все пошло как-то нескладно, не так... Была у нее дочь от первого брака, заводить второго ребенка она не хотела, и, прожив вместе лет десять, супруги незаметно для себя разбеглись. Даже не разводились, просто Ермаков в конце концов перебрался в равелин на постоянное жительство. Сначала он помогал им деньгами, но потом дочь ее удачно вышла замуж и необязательность в Ермакове совсем отпала.

И вот тут началась у него такая жизнь, какую и самое мечтательное воображение придумать не сможет: он охотился едва ли не круглый год. Скажем, десятидневный весенний сезон растягивался у него на четыре месяца: начинал он в марте на Сальских озерах, потом перемещался в затопленные половодьем заволжские степи, где сезон открывался чуть позже, потом в Мещеру, из Мещеры – в свой равелин... Затем ехал в Костромскую область на тетеревиные тока, оттуда – в Вологодскую за глухарями... А заканчивал где-нибудь на Ямале, где охота открывалась в июне.

Конечно, никакой пенсии на такие путешествия не хватило бы, но Ермаков воспитал столько пилотов, что во всяком месте непременно обнаруживал кого-то знакомого, а кроме того, любой профессионал сразу чувствовал в нем матерого, и потому всюду, куда только летали самолеты или вертолеты, Ермакова доставляли бесплатно. Интересно, что добытую дичь он почти никогда не ел – отдавал тем, у кого останавливался, мог даже пригостить, и очень неплохо. Каких-либо кулинарных предубеждений у него не было, просто он считал, что достаточно ему удовольствия от охоты, а уж дичью пусть побалуются другие. Сам же потреблял хлеб и консервы. Хирург, который впоследствии делал ему операцию, очень ругал Ермакова, мол, эти дрянные консервы его и погубили. Но Ермаков только посмеивался в ответ: ему было жалко доктора, который ничем не мог помочь, и хотелось как-то утешить его...

Узнав, что Ермаков смертельно болен, жена, с которой они не виделись двадцать лет с лишком, забрала его из больницы и ухаживала за ним. С полным, впрочем, равнодушием. Собственно, никакого особого ухода он и не требовал: есть не мог вовсе, принимал иногда обезболивающую таблетку да запивал ее глоточком воды. И так, претерпевая мучительные боли, Ермаков умирал.

Если о предыдущих событиях я знал в основном от охотников, то о чуде последних дней его мне рассказывал знакомый священник, а кое-что довелось свидетельствовать и лично.

Однажды, зайдя к нему в комнату, жена обнаружила его сидящим на кровати. Это поразило ее, так как у больного давно уже не оставалось сил, чтобы подняться. Но еще более поразили ее глаза Ермакова: они сияли тихим радостным светом. Да и весь вид его был каким-то новым, неожиданным, просветленным: небритый и нечесаный доходяга превратился вдруг в седобородого старца с ясным взором. Впоследствии, рассказывая об этом, она говорила «преобразился», – и вспоминала сказку о гадком утенке.

Твердым голосом, исполненным силы и спокойствия, он сообщил, что через три дня умрет, и попросил пригласить для

исповеди священника.

– Так ты, поди, и некрещеный, – возразила жена. – Ты ж сам говорил, что не знаешь, крестили тебя или нет.

– Крещеный, – улыбнулся Ермаков. – Теперь точно знаю: крещеный.

– Откуда ж ты все это взял?

– Господь открыл, – сказал Ермаков.

Она махнула на него рукой.

Явился священник. Пробыл у больного с полчаса и вышел в состоянии блаженной задумчивости. Следом за ним вдруг вышел и причастившийся Ермаков: попросил накрыть на стол и принести водки. Супруга вопросительно посмотрела на батюшку.

– А чего? – пожал он плечами. – Можно.

И они вполне по-праздничному посидели за столом, и Ермаков выпил целых три рюмки водки. Настроение у него было возвышенное и радостное – он сам говорил, что никогда в жизни не чувствовал себя таким счастливым.

– Да ты чему радуешься? – испуганно недоумевала жена. – Тут хоть у тебя этот каземат есть...

– Равелин, – улыбнулся он. – В равелине хорошо, но и он – временный. А там, – Ермаков указал взглядом сквозь потолок, – вечный...

Он рассуждал непривычно, и женщина совсем не понимала его. Ермаков прожил отпущенные ему три дня в счастливом состоянии духа и совершенно неболезненно.

Тот же батюшка, пришедший без всякого дополнительного приглашения, но в заранее оговоренное время, прочитал отходную, а когда Ермаков умер, поведал, что Ермакову являлся Господь, открыл ему время кончины и велел исповедаться и причаститься. Причем, по словам священника, ему за его многолетнюю практику еще не доводилось слышать такой полной и искренней исповеди.

– За что же ему такие чудеса? – неприязненно поинтересовалась супруга.

Батюшка сурово посмотрел на нее, словно хотел высказать нечто неприглядное, но сдержался и лишь холодно промолвил, что пути Господни неисповедимы.

Я присутствовал при сем в качестве пономаря – разжигал угольки в кадильнице, и, когда мы вышли из дома, тоже, признаться, не сдержал любопытства. Однако и мне священник отвечал точно так же, добавляя разве, что и год жизни с такою бабою можно приравнять к мученическому подвигу... Так что тайна чуда осталась в неприкосновенности.

Похороны были бедными. Большинство приятелей Ермакова давно уже оставили этот мир, а если кто и жив был, так жена ермаковская никого из них не знала и никому ничего сообщить не могла. Присутствовали только дочь с мужем да еще какие-то родственники. Проводив Ермакова на кладбище, священник ехать на поминки отказался и денег за отпевание не взял.

Ужин у архиерея

Поезд прибыл на станцию еще затемно. Машина ждала меня, и все были в сборе: Василий, Краузе и старик с сыном-доктором. Только я забрался в кунг, сразу поехали. Шум двигателя мешал общему разговору – приходилось сильно напрягать голос, и потому, покричав для обсуждения планов, мы затихли.

Трясаясь в холодной металлической будке, я подремывал и вспоминал подробности странного визита, который мне довелось совершить двумя днями раньше. Вспоминалось, конечно, отрывками и без всякого последовательного порядка. А если с последовательным порядком, то получалось вот что.

Примерно в тысяче верст от Москвы, в краю сыром и холодном, был у меня ветхий домишко, куда я с друзьями наведывался иногда на охоту. Однажды у местных жителей всколыхнулось неудержимое желание восстановить храм, который они уродовали с полстолетия, но так и не одолели. Мне выпала душеполезная участь помогать им в добром занятии. Я и помогал: составлял письма, прошения, заявления, вместе с председателями колхоза и сельсовета ездил в областной город, познакомился с архиереем, родившимся еще при самодержавном монархии... И вот, в Москве уже, получаю от архиерея телеграмму с приглашением срочно прибыть в гости. Приезжаю, нахожу «резиденцию» – деревянный дом на окраине, запущенностью своею напоминающий старые подмосковные дачи...

Ужинали в гостиной, где все было хотя и разностильно, однако в духе старых времен, казавшихся устойчивыми: и мебель,

и картины, и столовые приборы, и колокольчик под властной рукой... Когда пришла пора подавать чай, архиерей позвонил в колокольчик. Ничего за этим не последовало. Он позвонил еще раз. И еще раз не последовало ничего. Тогда он с едва сдерживаемым раздражением позвал повариху:

– Татьяна Михайловна! – и опять без всяких последствий.

– Татьяна Михайловна! – гневно прокричал он, со стыдливо доسادю косясь на меня.

Шаркая шлепанцами, из соседственной с нами кухни пришла повариха – коренастая женщина лет пятидесяти пяти.

– Ну, чего еще? – лениво спросила она, приваливаясь к косяку и выражая всем своим видом высокомерное терпение.

– Так чаю же! – растерянно произнес архиерей.

– Щас, – оттолкнулась задом от косяка, неспешно вышла и принесла две чашки чая.

Владыка рассказывал мне о своем детстве, о том, как впервые пришел в храм, как на него, шестилетнего, возложил стихарь священнослужитель, причисленный теперь к лику новомучеников. Рассказывал, как влюбился в учительницу немецкого, как в двадцатые годы, юношей еще, был арестован за веру. Как, оказавшись в камере среди священников, диаконов и прочих страдальцев Христовых, извел из кармана Евангелие на немецком языке, завалился на верхние нары и не без хвастовства, демонстративно раскрыл книгу. Подошел старый ксендз и на чистейшем немецком жестко выговорил:

– Эту книгу, молодой человек, можно читать только стоя.

– Или на коленях, – добавил к месту, но уже по-русски батюшка, лежавший ближе к окну: ему, похоже, не доставало воздуха. Ночью с ним случился сердечный приступ, и его унесли навсегда.

– Так мне был преподан урок благоговения, – сказал архиерей, – а без благоговения в Церкви делать нечего. Запомните это! – и тихо повторил: – Без благоговения – нечего...

И еще попросил представить, что у меня в руках банка с муравьями:

– Ну, скажем, стеклянная пол-литровая, а в ней – пригоршня муравьев. И вот ползают они там друг по дружке: на лапки наступают, на головы, на усы... Больно им, и нехорошо это, но так уж оно устроилось, в этой банке. И вдруг какой-то муравьишка поднимается по стеклышку, поднимается... Упадет и опять поднимается. Наконец подползает к вашему пальцу и, почувствовав тепло, в благоговении замирает... И не хочет никуда уходить и остается возле вашего пальца, забыв и про братьев своих – муравьев, и про еду, и про воду. И вы уж, конечно, постараетесь о нем позаботиться... А другой – подползет к пальцу да и укусит. Вы по доброте душевной его аккуратненько вниз спихнете, а он – опять за свое, опять кусаться. Ну, может, и еще разок сбросите, а уж на третий раз от него, пожалуй, и мокрого места не останется... Примерно так, – старик улыбнулся, – и на нас сверху посматривают, и из первых получают праведники, а участь вторых – богоборцев – всегда прискорбна...

Между тем небо за окнами нашей железной будки начинало светлеть. Пора было бы сворачивать с трассы, однако грузовик, не снижая скорости, все катил и катил на юг.

Я вспомнил еще, как за чаем архиерей, явно смущенный неделikatностью своей поварихи, пожаловался на бабок – так по церковной терминологии именуют не всяких старух вообще, а лишь тех, которые занимаются в храмах уборкой и разной подсобной деятельностью:

– Сколько служу, столько и страдаю от них! Выйду в соборе с проповедью – так какая-нибудь старуха в черном халате тут же приползает протирать подсвечники перед самым моим носом... А как мучаются из-за них прихожане, особенно из новообращенных, да особенно женщины!.. Если уж молодая и красивая – набросятся, как воронье: то им не нравится, как свечку передаешь, то – не так крестишься, то еще чего: шипят, шамкают – только и слышно в храме: шу-шу-шу, шу-шу-шу... Сколько я бранился на них! Сколько раз прямо в проповедях взывал к ним! Без толку... Но как поступаешь, из кого они вырастают?... Из таких же молодых и красивых... Не выдерживают бабешки приближения к небесам...

Допили чай. Вздохнув, он закончил рассуждение совершенно неожиданным выводом:

– Две беды у Русской Церкви: бабки и архиереи. О последнем умолчу...

Продолжение следует

Православный календарь

18 окт., вс. – Неделя 20-я по Пятидесятнице. Свтг. Петра, Алексия, Ионы, Макария, Филиппа, Иова, Еρμοгена, Тихона, Петра, Филарета, Иннокентия и Макария, Московских и всея России чудотворцев. Сщмч. Дионисия, еп. Александрийского (264-265).

19 окт., пн. – Апостола Фомы (I). Сщмч. Иоанна пресвитера (1937).

20 окт., вт. – Мчч. Сергия и Вакха (290-303). Мчч. Иулиана пресвитера и Кесария диакона (I). Мц. Пелагии Тарсийской (290). Мч. Полихрония пресвитера (IV). Прп. Сергия Послушливого, Печерского (ок. XIII). Прп. Сергия Нуромского (Вологодского) (1412).

21 окт., ср. – Прп. Пелагии (457). Прп. Досифея Верхнеостровского, Псковского (1482). Прп. Трифона, архим. Вятского, чудотворца (1612). **Собор Вятских святых.**

22 окт., чт. – Ап. Иакова Алфеева (I). Прпп. Андроника и супруги его Афанасии (V). Прав. Авраама праотца и племянника его Лота (2000 до Р.Х.). Мчч. Еввентия (Иувентина) и Максима воинов (361-363). Св. Поплии исповедницы, диакониссы Антиохийской (IV).

23 окт., пт. – Мчч. Евлампия и Евлампии (303-311). **Прп. Амвросия Оптинского (1891).** Свт. Иннокентия, епископа Пензенского (1819). Прп. Вассиана, чудотворца (V). Свт. Амфилохия, еп. Владимир-Волынского (1122). **Собор Волынских святых.**

24 окт., сб. – Ап. Филиппа, единого от семи диаконов (I). Прп. Феофана Исповедника, творца канонов, еп. Никейского (ок. 850). Прп. Льва Оптинского (1841). **Собор преподобных Оптинских старцев.** Прп. Феофана, постника Печерского (XII).

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в Главном редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: Наш адрес: 3300, Молдова, г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел. (+373 533) 2-46-97. г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!